

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ГРИНА

Мировоззрение писателя, его жизненный и творческий опыт и, конечно, талант художника оказывают влияние на выбор языковых средств, которые наиболее точно с точки зрения писательской индивидуальности передают авторскую мысль. Путь к постижению эстетики, художественного мира писателя посредством изучения его языка оказывается плодотворным при условии объективного анализа максимально полного фактического материала.

Изучение идиостиля такого писателя как А.С. Грин требует особого, повышенного внимания. Это связано главным образом с тем, что взгляд на мир этого писателя отличается непосредственностью видения, восприятия, узнаваемостью ассоциаций, несмотря на то, что, привлекая к ним внимание читателя, Грин всякий раз делает большое или маленькое открытие, его художественный стиль и язык, безусловно, является новаторским.

Определяемые существительные — важный показатель авторских пристрастий. Так, проанализировав наиболее часто определяемые существительные, можно говорить об основной идейно-тематической направленности произведений писателя, а в ряде случаев подтвердить те или иные высказывания исследователей литературного творчества А.С. Грина, касающиеся оценки образного мира и конкретных характеристик героев его произведений, являющихся воплощением его эстетических и нравственных идеалов. Наиболее частые существительные, общие для всех рассмотренных нами произведений писателя (романы «Блистающий мир», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» «Дорога никуда» и «Автобиографическая повесть»), представляет лексика, в большей или меньшей степени связанная с человеком, будь то непосредственные названия человека (*человек, люди, девушка*), части тела и лица (*лицо, руки, глаза*), состояния, качества, процессы, присущие человеку (*голос, взгляд, улыбка*), или отвлеченные понятия, связанные с человеком лишь опосредованно, но, как показывает сочетаемость этих существительных с прилагательными, очень тесно (*движение, слово, дело, жизнь*).

Не прибегая к рассмотрению сочетаемости этих слов, можно сказать, что частое обращение к существительным *движение* и *дело* свидетельствует о действии, об активности и мобильности повествования; к существительным *голос, взгляд, глаза, улыбка* — о пристальном внимании автора к проявлениям психолого-эмоционального плана; существительное *девушка* — о роли женских образов и т.п. Особую роль в своем творчестве А.С. Грин отводит существительному *слово*. Нахождение в начале частотного списка рядом таких существительных как *слово* и *дело* не случайно, поскольку слово не расходится с делом в художественном повествовании писателя: герои Грина — люди дела, действия, а слова, ими произнесенные, выражают их подлинные мысли и чувства, а также готовность к действию.

Лексическая сочетаемость — одно из наиболее характерных проявлений авторской языковой специфики. Изучение существительных в плане их сочетаемости с прилагательными существенно дополняют картину индивидуально-авторских способов организации языкового материала. Анализируя определяемые существительные, мы получаем возможность более полно, достоверно и комплексно подходить к изучению атрибутивно-именной сочетаемости. Определяемые существительные приобретают дополнительные, уточняющие значения, выделяющие их из массы существительных, лишенных определений. Таким образом, они выступают в роли наиболее значимых слов, привлекающих большее внимание читателя и, очевидно, самого писателя — организатора текста. Характеристика такой лексики необходима для более глубокого понимания авторского мировоззрения.

Лексическая сочетаемость позволяет выявить новые оттенки в семантике входящих в сочетание слов. Для всех определяемых существительных характерны как обычные, традиционные, как бы закреплённые сознанием прилагательные-определения (*дело — важное, возможное, выгодное, запутанное, неотложное, простое, привычное*), так и типично «гриновские» эпитеты (*дело — грустное, дерзкое, душевное, живое, курьезно-мрачное, мутное, печальное, странное, тайное; слова — бесцельные, быстрые, внушительные, горячие, испуганные, прерывистые, приветливые, стремительные, томительные* и даже *оставшиеся произнесёнными*). Определяя слово, Грин возносит его на заслуженную высоту, определяя, выделяет, чтобы показать каждую его грань и несомненную значимость. Характеристика слова как объекта включает в себя непосредственную характеристику, характеристику речи, а также служит отражением настроения и душевного состояния человека, произносящего и воспринимающего эти слова. Кроме того, слово приобретает ассоциативные связи, благодаря которым оно воспринимается не только в контексте данного произведения, но и в контексте всего творчества писателя.

Утверждая то, что А.С. Грин — писатель, передающий тончайшие **движения** души человека, следует обратить внимание также на то, что движение — существенный объект художественного мира писателя. Движению придаются признаки, ему не свойственные (*оглушительное, пестрое, шумное*), несущие в себе большой заряд метафоричности.

Для многих атрибутивно-именных словосочетаний существенно наличие дополнительных компонентов, или минимального контекста: *бессознательное движение руки, бешеное движение улиц, княжеское движение хобота; малейшее, светлое, неясное — движение мысли; свободное движение умов; не обещающее исчезнуть движение власти; мягкое движение насущного души* и др. Если сочетания типа *движение рук, хобота, улиц* не воспринимаются непривычно, то такие, как *движение умов, глаз, лица, души, власти* расширяют привычный круг сочетаемости. Подобные сочетания слов свидетельствуют также о приверженности писателя к приему выделения предмета или явления посредством определения его качества или свойства. Необычность структуры сочетания, тем не менее, не противоречит языковым законам, о чем

свидетельствуют общеупотребительные сочетания, аналогичные названным: *движение сердца, душевное движение* и т.п.

Для группы самых частых существительных А.С. Грина характерна семантическая связь, возникшая благодаря их сочетаемости: *мрачный взгляд — мрачные глаза, серый взгляд — серые глаза; светло раскрытый взгляд, полуприкрытый взгляд — раскрытые глаза; бесцеремонная рука — бесцеремонный человек; приветливая рука — приветливый взгляд — приветливая улыбка* и т.п. Даже самые частые в русском языке слова, входящие в указанную группу лексики писателя, стилистически нейтральные и полисемичные, объединены целью — показать человека с его внутренним миром и его взаимоотношения с окружающим миром. Если рассматривать эту цель как первостепенную и особо важную в творчестве писателя, станут понятны многие, казалось бы, ошибочные или неточные сочетания слов: *резкие глаза, острые глаза, острая улыбка, твердые глаза* и др.

Писатель тесно связывает такие понятия, как *глаза — взгляд — улыбка — рука — лицо — голос — человек*. Они определяются в его произведениях набором одинаковых или семантически сходных прилагательных. Однако в каждом конкретном случае прилагательное несет в себе отчасти новую семантику в результате соединения именно с данным существительным.

Распределение лексики, обладающей наибольшей частотой в художественной прозе А.С. Грина, не выходит за рамки распределения лексики русского языка, характерного для художественной литературы. Однако поскольку каждый писатель индивидуально подходит к отбору лексики, те случаи, которые особенно заметно выделяются из системы, свидетельствуют об их значимости для его творчества. Так, вполне вписываются в гриновскую стилистику прилагательные *тайный* и *таинственный*, не принадлежащие в русском языке к лексике высокой частоты (их порядковые номера в списке прилагательных в художественной прозе [1] соответственно 303 и 169, в «Словаре языка Пушкина» [2] — 42 и 121). У А.С. Грина они входят в двадцатку наиболее часто употребляемых писателем прилагательных [3]. Особенно часты сочетания с этими прилагательными в романах «Блестящий мир» и «Дорога никуда», что связано с содержанием этих произведений и наличием в них общих тематических моментов. Разумеется, нельзя утверждать, что то или иное прилагательное связано с определенным героем или событием, такой подход не присущ А.С. Грину, словосочетания которого непредсказуемы (*тайная опора, тайная рука, тайное действие, скользящее по земле; тайные воды людских душ; тайные соображения лжи; таинственный призыв, таинственные знаки, таинственный олень вечной охоты; таинственное сверканье образов*): «Но не холод, не жар восторга вызвало оно, а смуту тайного возбуждения: вошло нечто из-за пределов существа человеческого» («Блестящий мир»); «И так как никто уже не противоречил завоеванию, он поместился внутри аппарата, оказавшегося, несмотря на хрупкую видимость, отменно устойчивым; как бы прирос он к земле, не прозвенев, и белая голова лебедя гордо смотрела перед собой, дыша тайным молчанием» (там же). В последнем примере дано описание «аппарата», в котором Друд совершал свой

полет. Словосочетание *тайное молчание* означает таинственность, секретность полета без помощи летательного аппарата: герой вынужден прибегнуть к мнимому «летательному аппарату» для сохранения в тайне своей способности летать.

Существительные *тайна* и *таинственность* редко определяются прилагательными, так как их семантика не требует уточнения или усиления. Приверженность писателя к этим словам отражается в использовании их в качестве дополнительного компонента атрибутивно-именных сочетаний, характерного для творческого почерка А.С. Грина (*беззвучное колесо тайны*).

Высокая валентность и частота прилагательного *морской* у А.С. Грина обусловлены его концептуальной значимостью. Море является живым, действующим фоном, с которым соизмеряются действия, поступки и чувства героев: «Затем в молчании, усталые от жары и друг друга, мы выбрались к морской полосе; пришли на пристань и нанял лодочника». Здесь наблюдается один из распространенных в творчестве А.С. Грина прием: показ предмета или явления через его часть или признак, в данном случае, это не *море*, а *морская полоса*.

А.С. Грин создает свой собственный мир, моделируя пространство и время согласно заданным параметрам, соответствующим художественным целям, мир зыбких и переменчивых состояний, сходный с причудливыми строениями замка Ганувера из романа «Золотая цепь». Неустойчивые, переходящие одна в другую формы пространства сродни переходным состояниям души героев в поисках своего Несбывшегося. Этому же подчинена и география «Гринландии», где соседствуют реальные и вымышленные города, которые также узнаваемы. Художественный мир А.С. Грина — это условность в реальном, неожиданное в привычном. Именно поэтому его язык насыщен неожиданными сочетаниями слов, которые отражают столкновение несовместимых понятий, аналогий и ассоциаций, и которые, в конечном счете, оказываются очень уместными и единственно возможными, «единственно-нужными» («Блестящий мир»), весьма реалистично отображающими самый «таинственный» объект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. — М., 1977.
2. Материалы к Частотному словарю Пушкина. Проспект. М., 1963.
3. Мельникова, Л.А. А.С. Грин: Слово — образ. — Минск, 2009.

